

Раннее утро.

Ли Пинъань по привычке умылся, набрал воды и подмел двор.

Прошлой ночью он о многом передумал и теперь радовался, что не потерял голову от успеха. Иначе, лишившись покровительства Сяо Чжунцзы, он неминуемо стал бы жертвой нападок.

Ли Пинъань достал переписанный им текст упражнений, принялся вдумчиво читать и сопоставлять с собственным состоянием.

— Неужели фраза из Канона Лотоса о том, что истинное сердце не ведаёт смятения и обретает свободу от преград, означает именно это? — пробормотал он.

Во время завтрака на кухне Ли Пинъань, вопреки обыкновению, не стал жадно набивать рот, а лишь выпил чашку жидкой рисовой каши.

Сяо Чжунцзы удивленно спросил:

— Наш брат полгода ел как не в себя, чтобы хоть немного прийти в себя после полуголодного существования, а ты, Сяо Аньцзы, меньше чем за полмесяца уже наелся?

— Живот разболелся, решил поесть поменьше, — Ли Пинъань вымученно улыбнулся.

В воздухе витал сладкий аромат паровых булочек, и слюнки невольно наполняли рот, но ему приходилось запивать их пресной кашей.

Сяо Фанцзы нахмурился, о чём-то глубоко задумался и перед уходом внезапно бросил:

— Сяо Аньцзы, не обязательно спешить с сопротивлением. Иногда стоит просто переждать, чтобы пережить невзгоды.

Ли Пинъань замер. Сяо Фанцзы обычно ходил с холодным лицом, был горд и высокомерен, совсем не такой близкий и приветливый, как Сяо Юаньцзы, поэтому такой неожиданный совет застал его врасплох.

Когда Сяо Фанцзы отошел на приличное расстояние, Ли Пинъань пришел в себя и, сложив руки, поклонился ему вслед:

— Благодарю за наставление, евнух Фан.

Затем он поспешил в Зал Внутренних Боевых Искусств. Он не стал садиться в первых рядах, а занял место в неприметном углу, рядом с таким же незаметным Сяо Жунцзы.

По правде говоря, Сяо Жунцзы, прекрасно разбиравшийся в поэзии и знавший всё о меридианах и точках, по своим знаниям и успехам в боевых искусствах должен был давно выбиться в люди. Но он всегда держался в тени и почти ни с кем не общался.

Увидев Ли Пинъаня на привычном месте, Сяо Жунцзы скрипучим, язвительным голосом протянул:

— Ой-ой, не евнух ли Ань перед нами? Позвольте засвидетельствовать почтение.

— Вы шутите, евнух Жун, — Ли Пинъань огляделся по сторонам. Час был ранний, в зале почти никого не было, и он понизил голос: — Хочу спросить, не знаете ли, куда в последнее время подевался Сяо Гуйцзы?

От Сяо Чжо-цзы он знал, что Сяо Жунцзы и Сяо Гуйцзы живут в одной комнате, так что тот наверняка в курсе.

Сяо Жунцзы замолчал, а потом вздохнул:

— Помер он несколько дней назад.

Ли Пинъань вздрогнуть от ужаса:

— Еще недавно был здоров, как же так?

Сяо Жунцзы многозначительно произнес:

— Тело принесли из Дирекции дворцовой стражи. А от чего он помер, я спрашивать не стал, побоялся.

— Как выглядело тело? — допытывался Ли Пинъань.

— Зрелище не для слабонервных!

Зрачки Ли Пинъаня сузились. Из разговоров Сяо Чжунцзы он знал о странных пристрастиях среди евнухов. Дуйши было одним из них. Обычно это были отношения между евнухом и дворцовой служанкой, но у некоторых были весьма специфические вкусы.

В этом мире действительно нет бесплатных булочек! Ли Пинъань вспомнил наставления родителей: не жадничай, когда незнакомцы предлагают еду — либо она отравлена, либо это приманка для похитителей.

Он перевел дух:

— Евнух Жун, я помню вашу доброту.

Страх часто рождается от неизвестности, но когда худшее становится явным, оно перестает пугать. Деревенский паренек, не знавший ни грамоты, ни правил, смуглый и неказистый на фоне городских, обладал врожденной дикой силой, не знающей страха и покорности.

Сяо Жунцзы фыркнул:

— Твоя благодарность и половины булочки не стоит... Мне жаль Сяо Гуйцзы, он был хорошим человеком.

Юноша из благородной семьи, он ничего не смыслил в меридианах, пока Сяо Гуйцзы терпеливо его не обучил — это была настоящая благодарность за наставничество. Теперь, когда благодетеля нет в живых, отплатить можно было лишь мелкими пакостями евнуху Чжоу, чтобы хоть немного утешиться.

Ли Пинъань не обратил внимания на насмешки Сяо Жунцзы. У того рот словно был вымазан нечистотами, он вечно говорил гадости, к этому Ли Пинъань уже привык.

Подумав немного, он встал и пересел в первый ряд.

Вскоре к нему потянулись другие евнухи, принялись льстить и заискивать, надеясь на покровительство в будущем.

— Договорились, договорились, — отвечал он. — Я запомнил. Сяо Дэн-цзы, верно? Пообедаем вместе в полдень. Сяо Чжо-цзы, подойди, представь всех друг другу...

Ли Пинъань улыбался и отвечал с теплотой, совсем не такой, как раньше. Маленькие евнухи были приятно удивлены: Сяо Аньцзы хоть и выглядел простовато, но обладал тем особым обаянием, которое притягивает людей и делает лидера.

Вокруг Ли Пинъаня собралась группа из десятка юношей, они весело общались, готовые хоть сейчас стать побратимами. Однако стоило евнуху Чжоу переступить порог, как все они вмиг разлетелись, словно стая птиц. Они втянули головы в плечи и не смели поднять глаз.

Ли Пинъань почувствовал глубокое разочарование. Его попытка сплотить людей и прикрыться народным мнением была глупой мечтой.

Если даже дядя, поднимая народ на бунт против налогов, мог напугать лишь местного сборщика, то против такого человека, как евнух Чжоу, никто не пойдет.

Евнух Чжоу, прочтя несколько строк, подошел к Ли Пинъаню и с лучезарной улыбкой спросил:

— Сяо Аньцзы, есть ли что-то, что тебе непонятно?

Ли Пинъань подавил страх и ненависть. Опустив голову, он на мгновение помрачнел, но, подняв взгляд, изобразил подобострастную улыбку и указал на четыре иероглифа в книге:

— Осмелюсь спросить, евнух, что значит сосредоточить помыслы на преддверии и осветить пурпурные чертоги?

— Преддверие — это точка в дюйм и три фэня внутрь от межбровья. Пурпурные чертоги — место, где обитает дух, — подробно пояснил евнух Чжоу. — Эта фраза означает, что во время медитации нужно смотреть внутренним взором на межбровье, сохраняя состояние между концентрацией и покоем, чтобы достичь ясности, в которой пустота озаряется светом.

Ли Пинъань просиял:

— Благодарю за наставление!

В последние дни евнух Чжоу объяснял всё так доходчиво, что даже человек без всякой подготовки мог понять, как практиковаться. Если бы он не замышлял зла, то был бы поистине прекрасным наставником.

Перед уходом евнух Чжоу вновь наказал Ли Пинъаню беречь себя и пообещал, что, как только тот окрепнет, он сделает его своим приемным сыном.

— Благодарю за милость! — Ли Пинъань кланялся так низко, что у него даже зачесалось в районе ягодиц.

В полдень на кухне он, подавляя желание съесть булочку, пришел поздно и выпил только каши.

После обеда обучали правилам. Евнух Сюй учил искусству пощечин: удар должен быть громким, четким, и при этом нужно считать.

— Сначала двадцать ударов. Ни больше, ни меньше.

Милости и наказания от высокопоставленных лиц в дворце — это великий дар, и всё должно быть исполнено в точности. Малейшая ошибка в счете могла быть истолкована как неверность.

По команде площадь наполнилась звуками ударов. Ли Пинъань посмотрел на свои ладони, сжал зубы и со всей силы ударил себя по щеке, вслух ведя счет:

— Раб заслужил наказание, один. Раб заслужил наказание, два...

На шестнадцатом ударе он по ошибке сказал девятнадцать, и в ту же секунду в него прилетело боевое зерно. Сила удара была такова, что у Ли Пинъаня дернулся уголок рта. Евнух Сюй был дотошным, не терпел небрежности, и любой, кто сбивался со счета, должен был начинать сначала.

Ли Пинъань отвесил себе больше двухсот пощечин, прежде чем наконец досчитал до двадцати. Остальные уже закончили и поглядывали на него — кто с презрением, кто с жалостью.

Вечером, вернувшись в свою комнату, Ли Пинъань плеснул воды на лицо и посмотрел в отражение: его щеки распухли и посинели, став похожими на свиную голову с базарного прилавка в праздничный день.

— Хи-хи-хи... — внезапно вырвался из его груди тонкий смешок, спугнувший ворон, ночевавших под карнизом.

<http://bllate.org/book/18511/1779135>